

Сладостный звон серебряных нитей,
Колышимых ветром, уносится вдаль.
Сверкает луч солнца в их отражении.

Мелодия ветра сердцем напета,
Любовь к тебе — её дирижёр.
Прикрыты глаза пеленой.

В объятия звука, как в кокон, замотаны.
Не выбраться, связаны
Невидимой нитью меж мной и тобой.

* * *

Одежда вся промокла насквозь и нестерпимо обжигала кожу. Миллиарды острых иголок вонзались в тело, заставляя стоны непроизвольно вырываться из груди. Предательская метель все не унималась, разыгрывалась сильнее и заметала все, что могло хоть как-то указывать направление.

«Холодно. Нестерпимо холодно».

Быстрорастущие сугробы все больше замедляли и без того трудные шаги. Легкие войлочные сапожки давным-давно забились снегом, а меховая накидка превратилась в тяжелую ношу. Снежинки умудрялись протискиваться в узкие щели сощуренных глаз и цара-

пать их своими замерзшими лезвиями, нанося точечные удары по слизистой.

«Только не останавливайся!» — стучало в висках, когда сил уже совсем не осталось. — «Только не останавливайся!» — мысль крутилась волчком в голове. Но как же не останавливаться, когда ресурсы исчерпаны, использованы без остатка? Метель всё усиливалась, не оставляя ни малейшего шанса на спасение. Наверное, в такие моменты принято вспоминать прожитую жизнь? Но какой от этого толк, если уже через минуту-другую этой самой жизни больше не будет?..

Где-то вдали остался паланкин. Его, скорее всего, уже занесло по самую крышу. Интересно, хоть кто-нибудь из слуг смог найти укрытие и выжить в этом ледяном аду? Такая мучительная смерть. Кто же знал, что свадебная процессия превратится в похоронную, а праздничное платье станет саваном? Интересно, алый цвет одежды поможет когда-нибудь отыскать её тело? Хотя кто же искать-то будет? Если свадьба не состоится, весь мир погрузится в вечный холод. Как же обидно, что её смерть станет напрасной. К тому времени, когда во дворце узнают, будет уже слишком поздно.

Она — дар ледяному богу, чтобы смягчить его гнев и спасти человечество. Она — жертва, которую люди должны принести, чтобы дать себе шанс на выживание. Сонной травы совсем не осталось, ещё на одну долгую зиму не хватит. Запасы еды и дров закончатся через несколько месяцев. А значит, она — единственная надежда. Ведь она — избранная. «Пфф», — лёгкая усмешка сделала тщетную попытку расшевелить потрескавшиеся губы. Кусок льда — вот кем она будет буквально через мгновение, так как снег, забившийся под одежду

и обувь и немного подтаявший от температуры тела, окончательно замёрз.

Перед её отправлением деревья уже начали скидывать серебряную листву, готовясь обнажить белые, как звездный свет, ветви, а немногочисленные, ещё оставшиеся в живых звери стали укладываться в спячку в своих норах, в последний раз стараясь разглядеть солнце сквозь белую пелену. Большинство из них тоже не переживет эту зиму. Если они не умрут от голода, то их найдут люди и смогут благодаря этому протянуть немного дольше. Сердце разрывалось от боли. Как же жалко.

Уже начало темнеть, и где-то вдалеке слышались песни волков. Да уж, если съедят, то даже красное платье не поможет её отыскать. Хотя какая, собственно, уже разница? Эх, если бы она была более усердной ученицей, то могла бы разжечь хоть крохотный огонёк, ненадолго оттянув неизбежное. Но она засыпала на уроках элементарной магии. Голос учителя уж очень этому способствовал.

Если бы она нашла хоть какое-нибудь укрытие, то попробовала бы заклинание огня и дерева ещё раз. Но без защиты от непогоды её дерево намокало прежде, чем появлялось пламя.

«Хотя кого она обманывает? Где она возьмет столько сил на два элемента сразу? Даже на один не насобирать...»

Судьба-злодейка. Заставила умирать её дважды. В первый раз, когда огласили решение отправить её на жертвенный алтарь. Почему её? Она лишь незаконная дочь государя. Дочь нелюбимой им наложницы. Разве можно задобрить бога таким подарком? Но её аргументы не посчитали разумными. В ней так же течёт

кровь солнца. Некогда мощного и дарившего жизнь и надежду каждому жителю их мира. По легенде, сама богиня солнца была её прародительницей, полюбив смертного человека. И когда-то само солнце наделяло всех, в ком была хоть капля его крови, огромной силой и властью. Но со временем, по мере его угасания, сила рода также сошла на нет, превратив последних его представителей в плачевное зрелище.

Каждое новое поколение императоров вот уже много веков приносило в жертву ледяному богу девушку из императорской семьи. Считалось, что таким образом они задабривают его и оттягивают неизбежное. Может, так оно и было, а может, это была лишь попытка избежать хаоса в смертном мире и подарить людям хотя бы призрачную надежду. В священных книгах было записано, что как только дар принимался богом, небо рассеивалось, и появлялось солнышко, несколько десятилетий позволяя всем смертным жить полной жизнью, а также подготавливаться к следующему длительному зимнему периоду.

Что случалось с отправленными девушками, никто не знал. В священных книгах об этом ничего не говорилось. Было лишь известно, что больше ни одну из этих девушек никто не видел. Поэтому провожали свадебную процессию всем царством, прощаясь навсегда и с большой благодарностью за великую жертву. Вот и её черед настал.

А сейчас, второй раз, она умирает уже по-настоящему. Испытывая при этом страшные муки. Конечно, уже совсем одеревенели. Холод проник в каждую мышцу. Как же больно... Но плакать нельзя. Слёзы за мгновение превратятся в острые ледяные иглы и нане-

сут ещё большее поражение её некогда таким красивым голубым глазам. «Как небо», — говорил ей в детстве отец. Он ещё помнил те времена, когда небо над их головами было такого цвета... У неё и имя Ли Янь, красивая ласточка. Птица, которую она никогда не видела, была символом весны, которая уже никогда не наступит. Все пернатые, кроме небесных орлов да зимних воронов, давно вымерли.

«Вот бы... нет, невозможно...»

Какую шутку играла с ней судьба. Она прадочь богини солнца. В ней течет кровь, которая состоит из самого пламени. А она умирает, потому что не может разжечь даже небольшой огонек. Ах, если бы она училась усерднее!

Все свадебные шпильки и украшения Ли Янь давно повинытаскивала из прически в надежде, что длинные волосы хоть немного обогреют промёрзшее тело. Но сейчас из-за сильного ветра, намокшие и замёрзшие, они перекрывали ей и так практически отсутствующую видимость. Некогда её гордость цвета спелой пшеницы стала теперь невыносимой ношей.

«Как же хочется хлеба...»

В такие моменты понимаешь, как заключаются сделки с тёмной силой.

«Один, два, три...» — пытаясь не останавливать мыслительный процесс и считая шаги, она ясно осознала, что, если уснет — это будет последний сон в её жизни. Сейчас он был таким желанным. Всё тело умоляло её остановиться уже, наконец, устроиться поудобнее на смертельной снежной постели, свернувшись в калачик, и, собрав около сердца оставшееся тепло, уснуть.

Интересно, увидит ли Ли Янь сон в последний раз? Что ей приснится? Улыбка матери, которая не смогла перенести прошлую зиму? Или сладости, которые Ли Янь ела в последний раз ещё в детстве? Звонкий смех сестры, которая опять над ней пошутила, разлив чернила на её стуле, или крики отца, отчитывающего слуг за недосмотр?.. А может, ей приснится небо цвета её глаз из рассказов отца? Ли Янь много раз представляла себе его, в воображении разукрашивая бело-серый цвет в голубой. Спать, как же хочется...

Непослушные ноги сами подкосились, не в силах выбраться из очередного сугроба, в который она упала лицом. Ей показалось или снег стал теплее, чем её кожа? Что ж, это будет её последняя постель. Но приподнявшись и попытавшись перевернуться, чтобы устроиться поудобнее, Ли Янь не поверила своим глазам.

«Что это?!» — собрав последние силы, она вылезла из ледяного логова. Ей мерещится или она видит дерево с красными ягодами? Негнущимися деревянными пальцами Ли Янь смахнула налипшие на ресницы льдинки. Сквозь темноту наступившей ночи и пелену ледяного ада она отчетливо видела красные ягоды и... свет? Там есть люди?

— Помогите, — хотела прокричать, но получился лишь хриплый шепот. Сконцентрировавшись и собрав все оставшееся тепло своего тела около уже почти ледяного сердца, она заставила его опять ненадолго работать. Ли Янь знала: у неё есть всего пара минут, прежде чем она рухнет, исчерпав силы без остатка. Поэтому, преодолевая нестерпимую боль, словно в тело вонзили тысячи острых осколков, она поднялась и пошла туда, где в окне горел тусклый свет, дарящий надежду.

Сделав несколько шагов вперед, она отчетливо разглядела небольшую лачугу, находящуюся на небольшом возвышении, рядом с которой, как маяк, дарующий надежду на спасение, посреди заснеженной бескрайней пустыни, росло дерево с крупными красными ягодами. Это... вишня? Она смутно помнила картинки из детских книжек.

«Как такое возможно?»

Сильный сладковато-горький запах с очередным порывом ветра достиг её носа, пробуждая в ней и так зверский аппетит. Но сил пробираться к дереву сейчас у нее совсем не было.

Принцесса залезла на сугроб возле двери и дрожащими руками очень тихо постучала. Но не было никаких признаков присутствия кого-либо живого внутри. Она постаралась постучать чуть громче, хоть это и доставило её обмороженным рукам невероятные страдания. Но ответа опять не последовало. Расчистка заметённого снаружи входа в дом стоила Ван Ли Янь последних сил. Поэтому, добравшись до ручки, она навалилась на дверь всем телом и рухнула внутрь вместе с порывом сильного ветра. Жар обдал её лицо и обжег кожу.

«Я спасена», — первое, что пронеслось у нее в голове, когда она лежала на соломенном полу укрытия.

Она кое-как расчистила глаза от налипших на ресницы и брови льдинок, с большим трудом поднялась и, приложив немалые усилия, закрыла дверь. Ли Янь оперлась на нее спиной и смогла наконец отдышаться и осмотреться вокруг.

Помещение было небольшим, но зона у входа отделялась от основной комнаты ширмой, сделанной из бумаги высочайшего качества и расписанной всевозможными диковинными зверями и птицами. Некоторых из них принцесса даже в книгах никогда прежде не видывала. Такую ширму могла позволить себе только очень влиятельная особа, ведь даже Ли Янь, дочь императора смертных, не обладала таким сокровищем.

Боль, которую она испытывала снаружи избушки, сейчас, по мере отогревания конечностей, казалась детской шалостью. Разогревшаяся кровь начала приливать к кончикам пальцев на руках и ногах, причиняя девушке нестерпимую боль, отдавая резью в само сердце. Ли Янь еле сдерживалась от всхлипываний. Она зажмурила глаза, из них полились тёплыми солёными струйками слезы. Некоторое время спустя, немного придя в себя, она открыла глаза, промокнула их мокрым рукавом и продолжила разглядывать комнату.

Перед ширмой располагалась небольшая деревянная скамья с резными узорами. Таких иероглифов она не знала.

«Какой это язык?»

И небольшой столик с чайными принадлежностями.

«Как же хочется горячего чая!»

Ли Янь сбросила с себя промокшую до нитки меховую накидку на пол и направилась к столику, судорож-

но наливая содержимое из круглого глиняного чайничка, стоявшего на небольшом огне, в красивую, тоже глиняную, чашку.

«О боги! Или демоны!»

Кто помог ей в этой ситуации, было все равно, Ли Янь лишь хотела пить этот чудесный горячий напиток, который при первом же глотке обжёг её губы и горло, отчего она закашлялась и чуть не выплеснула такое драгоценное содержимое. Следующий глоток девушка сделала уже более обдуманно, крепко держа трясущимися руками маленькую пиалу.

В порыве желания хоть немного согреться и утолить жажду, она даже не обратила внимания на свет, который проблескивал через бумагу ширмы. Сейчас же, немного придя в себя, она поставила пустую чашку на столик и направилась на другую сторону от перегородки. И каково же было её изумление, когда принцесса увидела...

Нет, не очаг, наполненный дровами, которые никогда не поджигали. Не кровать с шёлковыми простынями и одеялами, и пуховыми перинами, на которые никто не ложился. А человека, сидящего на круглом подиуме посреди комнаты в позе лотоса, с закрытыми глазами, погруженного в глубокую медитацию и излучающего свет и тепло, которые и привели её к этому домику.

От его тела исходили такие сильные свечение и жар, что казалось, будто посреди комнаты был разожжён большой костер не меньше двух метров в высоту и такого же размера в диаметре. Как человек мог обладать такой мощной внутренней силой?

«Кто он?»

Её некогда великолепная свадебная одежда, расшитая золотом, соответствующая статусу принцессы, теперь такая холодная и мокрая, уже почти оттаявшая ото льда, неприятно облепляла тело и представляла собой печальное зрелище. Ханьфу же этого странного мужчины выглядело хоть и очень просто, но было видно, что сшито оно из дорогостоящей ткани оттенка ледяной стали. На поясе серебром были вышиты те же незнакомые ей символы, выгравированные на деревянной лавочке по ту сторону перегородки.

Обратив внимание на аккуратно прибранные наверх и скрученные в высокую шишку волосы мужчины, на заголосу из серебра с... рубинами? Ли Янь непроизвольно провела рукой по своим распущенным и сплывшимся волосам, пытаясь хоть немного расчесать их пальцами, как гребнем.

— Господин, приветствую вас! Я Ван Ли Янь, принцесса Мира Смертных. На нашу свадебную процессию внезапно налетела снежная буря, и я заблудилась в этой бескрайней пустыне. Разрешите остаться у вас в гостях на некоторое время? — в последнюю фразу она вложила все испытываемые ей сейчас чувства. Но мужчина никак не отреагировал на её слова, он продолжал находиться в глубоком трансе совершенствования. — Господин! Господин? — она подошла ближе и помахала перед его лицом рукой.

«Что ж, он мне не отказал, поэтому останусь здесь хотя бы до его пробуждения. Уже кое-что». Придя к такому единственно верному на её взгляд мнению, Ли Янь стала озиpаться в поисках чего-нибудь съестного. «Да кто он такой?!» — воскликнула про себя принцесса, увидев чуть позади мужчины невысокий стол квадратной